

О ВЫРАЖЕНИИ МОДАЛЬНОСТИ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ И НЕОБХОДИМОСТИ В ВОСТОЧНОМ НАРЕЧИИ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Апсатарова С.И.¹

¹Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Бирск, Россия (452453, Бирск, ул. Интернациональная, 10), e-mail: academy@birsk.ru

В статье рассматривается выражение модальности долженствования и необходимости в восточном наречии марийского языка. Модальность долженствования в марийском языке выражается инфинитивом долженствования с морфологическим показателем –ман: *толман* ‘нужно прийти’, формой причастия будущего времени –шаш: *кайышаш* ‘должен уходить’. Кроме инфинитива долженствования и причастия будущего времени для выражения дебитивной модальности в восточном наречии марийского языка употребляются аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и модальных слов *кӱлеш* ‘надо, нужно, необходимо’ и *тийыш* ‘должен’. Модальное слово *кӱлеш* употребляется во всех наречиях марийского языка и в литературном языке, *тийыш* ‘должен, обязан’, заимствовано из тюркских языков. На татарском языке *тиеш*, на башкирском языке *тейеш* употребляются для выражения модального значения долженствования. В аналитических конструкциях с модальным словом *тийыш* говорящий выражает свою уверенность в необходимости и целесообразности совершения действия. Данная модальная конструкция характеризуется большей категоричностью по сравнению с конструкцией *кӱлеш*, передающей волю и желание другого лица.

Ключевые слова: восточное наречие марийского языка, модальность долженствования и необходимости.

ON THE EXPRESSION OF MODALITY OF OBLIGATION AND NECESSITY IN THE EASTERN DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

Apsatarova S.I.¹

¹Birsky branch of BashSU (452450, Republic of Bashkortostan, Birsk, Internatsionalnaya St., 10) e-mail: academy@birsk.ru

The article deals with the modal expression of obligation and necessity in the eastern dialect of the Mari language. In the Mari language the meaning of obligation can be expressed by the infinitive with the ending –ман: *толман* 'must come', by the future form of the participle –шаш: *кайышаш* 'must leave'. Besides the infinitive and the future form of the participle used to express obligation and necessity there are some analytical constructions consisting of the infinitive and the modal words *кӱлеш* 'necessary' and *тийыш* 'must'. The modal word *кӱлеш* is used in all dialects of the Mari language and in literary language, *тийыш* 'must, ought to' was borrowed from Turkic languages. The Tatar word *тиеш* and the Bashkir word *тейеш* are used to express obligation. In the analytical constructions with the modal word *тийыш* the speaker shows that this action is necessary and desirable from his point of view. This modal construction is considered to be more categorical compared with the construction *кӱлеш* expressing the will and desire of another person.

Keywords: eastern dialect of the Mari language, modality of obligation and necessity.

Необходимость исследования выражения модальности долженствования и необходимости в восточном наречии марийского языка определяется тем, что до настоящего времени взаимодействие данных категорий не было предметом специального исследования.

В Лингвистической энциклопедии В.Н. Ярцевой модальность объясняется как самостоятельная функционально-семантическая категория: «Модальность (от ср. лат. *modalis* – модальный; лат. *modus* – мера, способ) – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка» [7, с. 303].

В «Грамматике русского языка» 1954 года отмечается, что отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности – это и есть, прежде всего, модальное отношение... Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается модальными частицами и словами, а также особыми формами интонаций [3, с. 81].

Раскрыть механизм взаимодействия модальности долженствования и необходимости помогают лексические, морфологические, синтаксические и другие средства.

В содержательном плане классификацию модальных значений можно представить следующим образом: модальность действительности и модальность недействительности. Модальность действительности означает, что содержание высказывания, с точки зрения говорящего лица, соответствует объективной реальности. Модальность недействительности, наоборот, означает, что говорящий излагает сообщаемое как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное и т.д., т.е. как не реальное.

Модальность недействительности подразделяется на следующие семантические виды: 1) модальность необходимости и долженствования (дебитивная модальность), 2) модальность возможности и невозможности (потенциальная модальность), 3) предположительная (гипотетическая) модальность, 4) побудительная (императивная) модальность, 5) модальность намерения (интенциональная модальность), желательная (оптативная) модальность.

Объектом нашего исследования является модальность долженствования и необходимости.

Модальность долженствования в марийском языке выражается, прежде всего, инфинитивом долженствования с морфологическим показателем –ман: *толман* ‘нужно прийти’, *лудман* ‘необходимо прочитать’, например: *Палыман вет кажне еным, кажным ужын моштыман. Орлык годым лишыл семын кажне деке мийыман* (М.К.). ‘Должны знать каждого человека, каждого должны заметить. В горе как близкий человек к каждому должны подойти’.

Модальность долженствования также выражается формой причастия будущего времени –шаш: *кайышаш* ‘должен уходить’, *кондышаш* ‘должен принести’. Причастия будущего времени могут выражать признак как активно действующего лица или предмета, так и пассивного лица или предмета. Также может заменить сочетание слов с именем существительным, при этом обозначает предмет: *Икияш ўдышашым (ўдышаш мландым) шыжым курал кодат* ‘Землю под яровые пахут еще осенью’. [9, с. 173-174]. Они образуются от основы повелительного наклонения всех без исключения глаголов при помощи суффикса -шаш: *нал* ‘бери, возьми’ + -шаш: *налшаш ег* ‘человек, который возьмет’, *ыште* ‘делай’ + -шаш: *ыштышаш паша* ‘работа, которая должна быть выполнена’.

Рассматриваемые причастия, наряду с будущим временем, могут выражать различные модальные значения: *кайышаш лум* ‘снег, который должен растаять’, *ўдышаш уржа* ‘рожь,

которую необходимо высеять'. Г.И. Лаврентьев в своей работе предлагал его назвать причастием долженствования [6, с. 33-36], как и в пермских языках при характеристике подобных явлений [8, с. 298]. Значение долженствования может иметь разные дополнительные модальные оттенки:

- долженствование с оттенком императивности и необходимости: *Йўр толеш, вашке-рак мўнгыш кайышааш* 'Дождь приближается, скорее нужно домой идти';
- долженствование с оттенком желательности: *Вашке гыч тыде йўран кечылакым мотор кече вашталтышааш* 'Скоро эти дождливые дни должны смениться солнечными';
- долженствование с оттенком возможности и пожелания: *Тачысе пайрем ямын эртышааш* 'Сегодняшний праздник должен пройти весело';
- долженствование с оттенком выражения своего согласия: *Олма когылетым тамлен ончышааш* 'Попробую твой яблочный пирог';
- императивное значение: *Ен толмеш пўртетым уштын налишааш* 'До прихода гостей пол подмети' [1, с.78].

Иногда в форме *-шааш* конкретное модальное значение бывает стерто, с каким значением она употреблена назвать и определить трудно. Например: *Мом ыштышааш ынде? Кузе лийшааш?* 'Что делать? Как быть?'

К причастию будущего времени может присоединиться суффикс *-лык*, однако этот форматив не придает слову дополнительного значения и в причастиях он является лишь факультативным. Например: *Тиде коремыште вўд лийшаашлык* 'В этом овраге вода должна быть'.

Инфинитивная форма *-шааш* может употребляться в сочетании со вспомогательным глаголом *иле* 'было'. При этом выражает следующие значения:

- желательность: *Кеч пел шинча дене ушышааш иле* 'Увидеть бы хоть одним глазом';
- будущее время действия: *Пасу солен пытарышааш гай иле, но йўр мешатлыш* 'Поле должно было быть скошено, но дождь помешал'. В данном случае форма *-шааш* употреблена с модальным значением долженствования, а *иле* указывает, что действие должно было совершаться до момента речи;
- прошедшее время действия: *Шангак толышааш ыле, кызытат укес* 'Давно должен был прийти, все еще нет'.

Кроме инфинитива долженствования и причастия будущего времени для выражения дебитивной модальности в восточном наречии марийского языка употребляются аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и модальных слов *кўлеш* 'надо, нужно, необходимо' и *тийыш* 'должен, обязан'.

Модальное слово *күлеш* употребляется во всех наречиях марийского языка и в литературном языке. По происхождению оно финно-угорское [5, с. 71]. Модальное слово *күлеш* в восточном наречии, как и в литературном языке, выполняет атрибутивную, адъективную и предикативную функции: *күлеш вер* ‘нужное место’, *күлеш мут* ‘нужное слово’; *мо күлеш* ‘что надо’; *тудо күлеш* ‘он нужен’, *жап күлеш* ‘время нужно’. Основа данного слова является производящим для следующих слов: *күлешан* ‘нужный, важный, необходимый, надлежащий’, *күлешлык* ‘1) надобность, необходимость; 2) важность’, *күлеш-огыл*, *күлеш-оккүл* ‘1) ненужное; 2) нелепость, вздор, пустяк’, *күлеш-огыллан* ‘напрасно, понапрасну, из-за пустяков’ [2, с. 151]. В восточном наречии встречаются и другие производные: *күлдымө* ‘ненужное’, *күлеш-күлдымө* ‘всякое ненужное’.

Модальное слово *күлеш* активно употребляется в качестве самостоятельного сказуемого. Например: *Пуат күлеш, вүдат күлеш, кочкаш шолташат күлеш* ‘И дрова нужны, и вода нужна, и кушать сварить надо’. *Тыйын полшымет күлеш, Настя кокай* ‘Твоя помощь нужна, тетя Настя’.

В синтаксической функции сказуемого модальное слово *күлеш* выступает как финитный глагол, принимая аффиксы почти всех временных форм и наклонений.

В атрибутивной функции модальное слово *күлеш* употребляется в сочетании почти со всеми лексико-семантическими разрядами имен существительных: *күлеш ег* ‘нужный человек’, *күлеш литератур* ‘нужная литература’, *күлеш паша* ‘нужная работа’, *күлеш вер* ‘нужное место’. Наиболее активно оно функционирует, принимая словообразующие аффиксы **–ан**, **–дымө**: *күлешан книга* ‘необходимая книга’, *күлешан юж* ‘необходимый воздух’, *күлдымө сомыл* ‘ненужные хлопоты’, *күлдымө канап* ‘ненужные советы’. Когда слово употребляется с суффиксом **–ан**, то лексическое значение слова увеличивается, усиливается.

При помощи суффикса **–лык** образуется абстрактное имя существительное *күлешлык* ‘1) надобность, необходимость; 2) важность’. Противоположное значение образуется лексико-синтаксическим способом, присоединением отрицательной частицы *огыл* или *ок күл*: *күлеш-огыл*, *күлеш-оккүл* ‘1) ненужное; 2) нелепость, вздор, пустяк’.

Модальное слово *күлеш* может употребляться также с суффиксами принадлежности: *мыйын күлешем* ‘необходимость во мне’, *мемнан күлешна* ‘необходимость в нас’.

Распространенной формой выражения модального значения долженствования и необходимости являются аналитические конструкции, состоящие из модального слова и инфинитива на **–аш**: *палап күлеш* ‘необходимо знать’, *пален налап күлеш* ‘необходимо узнать’ *каласап күлеш* ‘нужно сказать’.

Как и в литературном языке, в восточном наречии, в функции сказуемого данные аналитические формы употребляются в безличных предложениях и при этом явно выражается мо-

дальность необходимости [9, с. 122]: *Ял-озанлык пашалан тунемаш кўлеш* 'Надо учиться сельскохозяйственному труду', *Пўртўсым аралаш кўлеш* 'Надо беречь природу'.

Другой формой лексико-грамматического способа выражения модального значения долженствования является модальное слово *тийыш* 'должен, обязан'. По происхождению оно тюркское [4, с. 239]. На татарском языке *тиеш*, на башкирском языке *тейеш* употребляются для выражения модального значения долженствования. В марийском языке данное слово встречается только в восточном наречии. Модальное слово *тийыш* в отличие от модального слова *кўлеш* не употребляется в функции самостоятельного сказуемого, а всегда входит в состав аналитических конструкций: *тунемаш тийыш* 'должен учиться', *тунемаш тийыш иле* 'он должен был учиться'. Аналитические конструкции, состоящие из инфинитива и модального слова *тийыш*, выражают твердую уверенность говорящего в необходимости совершения какого-либо действия. Например: *Ме икте-весыланна энертыш лияш тийыш улына* 'Мы должны быть опорой друг другу'. *Таче кастене мыйым налаш толаш тийыш улыт* 'Сегодня вечером должны за мной приехать'.

Модальное слово *тийыш* в отличие от татарского и башкирского языков не изменяется. А модальная конструкция «инфинитив + тийыш» имеет форму составного будущего с вспомогательным глаголом *улаш* 'быть' и составного прошедшего времени, которая образуется при помощи вспомогательной частицы *иле*, *лийын маш*. Например: будущее время: *тунемаш тийыш улам* 'я должен буду учиться', *тунемаш тийыш улына* 'мы должны будем учиться'; прошедшее время: *тунемаш тийыш ильым* 'я должен был учиться', *тунемаш тийыш ильна* 'мы должны были учиться'.

Отрицательное значение временных форм данной модальной конструкции передается при помощи отрицательной частицы: *мый тунемаш тийыш омыл* 'я не должен учиться' *мый тунемаш тийыш омыл иле* 'я не должен был учиться'.

В аналитических конструкциях с модальным словом *тийыш* говорящий выражает свою убежденность в необходимости и целесообразности совершения действия. Данная модальная конструкция характеризуется большей категоричностью по сравнению с конструкцией *кўлеш*, передающей волю и желание другого лица.

Таким образом, в восточном наречии модальность долженствования и необходимости может выражаться инфинитивом долженствования (-ман: *лудман* 'необходимо прочитать'), причатием будущего времени (-шаш: *толашаш* 'должен прийти'); модальными словами *кўлеш* 'надо, нужно, необходимо' и *тийыш* 'должен, обязан'; *ышташ кўлеш* 'надо сделать', *палаш тийыш* 'должен знать'. В аналитических конструкциях со словом *кўлеш* доминирует значение долженствования, а в модальных конструкциях со словом *тийыш* преобладают семантика необходимости совершения действия.

Список литературы

1. Васикова Л. П. Модальные значения причастий будущего времени в современном марийском языке // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1975. – С. 46-55.
2. Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марла-рушла мутер. – Йошкар-Ола, 1991. – 509 с.
3. Грамматика русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. Ч. 1. – 703 с.
4. Зайнуллин М. В. Модальность долженствования в башкирском языке // Зайнуллин М. В. Избранные труды. – Уфа, 2001. – С. 232-244.
5. Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С. Современный марийский язык. Лексикология. – Йошкар-Ола, 1972. – С. 71.
6. Лаврентьев Г. И. Причастие будущего времени в волжском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение, 1971. – № 3. – С. 33-36.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М., 1963. – 391 с.
9. Учаев З. В. Марий йылме: Мут вашталтмаш. – Йошкар-Ола, 1995. – 216 с.

Рецензенты:

Карамова А.А., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск;

Абдуллина А.Ш., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии Бирского филиала ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск.